

1929:

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

**МАТЕРИАЛЫ
XII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ЕКАТЕРИНБУРГ,
26-28 СЕНТЯБРЯ 2019 Г.**

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
Т93

Ответственный редактор А. К. Сорокин

1929 : «Великий перелом» и его последствия : Материалы XII Международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2020. – 823 с. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-2403-7

Двенадцатая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена анализу событий 1929 г. в СССР, которые оказали значительное долгосрочное влияние на историю Советского Союза и России, а также имели важные международные последствия. Насильственная коллективизация и индустриальный скачок первой пятилетки, культурная революция, нацеленные на быстрое превращение преимущественно аграрной страны в индустриальную, разрушали традиционные социально-экономические структуры государства и уклад жизни большинства советского населения, прежде всего крестьянского.

Участники конференции рассматривают следующие вопросы: коллективизация и индустриальный скачок конца 1920-х – начала 1930-х гг.; идеология, практика и общественное осознание «Великого перелома», его краткосрочные и долгосрочные последствия; результаты сталинского курса первой пятилетки и причины его корректировки во второй пятилетке; военно-мобилизационная система в предвоенные и военные годы и попытки ее реформирования; культурная революция и идеологическая мобилизация; советская система в сравнительной перспективе.

*Конференция состоялась, и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2403-7

© Коллектив авторов, 2020

© Политическая энциклопедия, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

- Красильников С.А.* «Великий перелом» как социальное действие и политика мобилизующей раннесоветское общество диктатуры 6
- Бранденбергер Д.Л.* Как Сталин переписал «Великий перелом» 1929 г. 16
- Поршинева О.С.* «Великий перелом» в восприятии населения Урала ... 25

ПОТЕНЦИАЛ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

- Мельников Н.Н.* Развертывание танкового производства в Сталинграде и на Урале: противоречия планов развития и реальных возможностей восточных промышленных центров (1939 – лето 1941 г.) 36
- Килин А.П.* Борьба с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» в год «Великого перелома» 45
- Лазарева Л.Н.* Оценка опыта «Великого перелома» 1929 г. в экономической дискуссии 1951 г. и при подготовке реформы А.Н. Косыгина 56
- Максимова Л.А.* Индустриальные проекты ГУЛАГа: методы достижения и результаты (на материалах европейского Северо-Востока) 70
- Малахов Р.А.* Управление промышленностью Европейского Севера России в конце 1920-х – 1930-е гг. 80
- Макарова Н.Н.* Труд и человек на Магнитострое в условиях мобилизационной модели первой половины 1930-х гг. 90
- Шевырин С.А.* Становление системы принудительного труда в Советской России в годы первых пятилеток (на материалах Пермского края) ... 101

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПЕРЕЛОМА

- Дроздов К.С.* Большевики против белорусской интеллигенции: деятельность комиссии Затонского в мае–июне 1929 г. и «крутой поворот» в национальной политике в БССР 108
- Дятленко П.И.* Политические кампании периода «Великого перелома» и их краткосрочные последствия для Киргизской ССР 117
- Иргит О.Ю.* Влияние «Великого перелома» на общественно-политическое и экономическое развитие Тувинской Народной Республики 124
- Костырченко Г.В.* Сталинский перелом конца 1920-х гг. в решении еврейского вопроса 132

<i>Кыдыралина Ж.У.</i> Идеология, практика и общественное сознание «Великого перелома»: протестные настроения в Казахстане в сводках спецорганов.	149
<i>Саипова К.Д.</i> Репрессивная политика советского государства 30-х годов XX в. и ее отражение на этнодемографической ситуации в Узбекистане.	160
<i>Сулаев И.Х.</i> Мусульманское сопротивление колхозному строительству в Дагестанской АССР (1920–1930-е гг.)	168
<i>Гавриков А.В.</i> Национальная политика в сравнительной перспективе восприятия жителями Восточной и Западной Беларуси в период 1921–1930-х гг. (историко-политический аспект)	180

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР В ПОЛИТИКЕ ПЕРЕЛОМА

<i>Абрамов В.К.</i> Сталинская модернизация и государственный террор в Мордовии (1929–1939).	188
<i>Беленкин Б.И.</i> Между подпольем, тюрьмой и ссылкой. Левая оппозиция в 1929 г.	198
<i>Раджабов К.К.</i> «Великий перелом» 1929 г. и политические репрессии в Узбекской ССР.	209
<i>Тепляков А.Г.</i> ОГПУ–НКВД против крестьянства: общее и особенное в «массовых операциях» начала 1930-х гг. и «кулацкой операции» 1937–1938 гг.	221
<i>Савин А.И.</i> В поисках героя массовой коллективизации	231
<i>Шарапов С.В.</i> Шахтинский судебный процесс в контексте политики конфликтной мобилизации на рубеже 1920–1930-х гг. ...	242
<i>Хаустов В.Н.</i> «Великий перелом» и фронтальное усиление репрессий (1929–1933).	251
<i>Шкаревский Д.Н.</i> О циклах репрессивной политики на транспорте в 1930-е гг.	259

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ. РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

<i>Исюмова Л.В.</i> Организация натурально-продуктовых повинностей колхозного крестьянства в 1930–1950-е гг. (по материалам Вологодской области)	268
<i>Ильиных В.А.</i> «Великий перелом» в деревне: предпосылки и этапы. ...	277
<i>Мазур Л.Н.</i> Коллективизация и крестьянская семья в России: особенности демографического перехода	286
<i>Папков С.А.</i> «Великий перелом» и крестьянское сопротивление. Эпизод из жизни одного поселка весной 1930 г.	298
<i>Петренко А.</i> «...К политике ликвидации кулачества как класса» (на примере Молдавской АССР, 1929–1932).	306
<i>Поцус М.</i> «Большой перелом» (коллективизация) в Литве 1947–1952 гг.: предпосылки, этапы и контроль ЦК ВКП(б).	311
<i>Санникова Я.М.</i> Особенности антикрестьянской политики в Якутии: 1928–1930 гг.	320
<i>Суслов А.Б.</i> «Раскулачивание» как часть сталинской социальной «революции сверху» (на примере Пермского края).	328

<i>Хакимов Р.Ш.</i> Особенности коллективизации в национальном районе (на примере Аргаяшского кантона).....	338
<i>Бондарев В.А.</i> «Конвейерный метод» как концентрированное выражение налогово-заготовительной политики сталинского режима в колхозной деревне (начало 1930-х гг.).....	349

ПЕРЕЛОМ КАК АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

<i>Апанасенок А.В.</i> «Великий перелом» в сельской церковной истории и судьбах верующих Центрального Черноземья	360
<i>Беглов А.Л.</i> Российская Православная церковь в годы «Великого перелома»: приходской аспект.....	369
<i>Каишь М.В.</i> «Великий перелом» в судьбах православных российской провинции 1929–1931 гг.: судебные процессы и новая репрессивная практика	382
<i>Кочетова А.С.</i> Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (8.04.1929): история создания, основное содержание и отношение к нему общества	393
<i>Обухов Л.А.</i> «Усилим борьбу с религией, ускорим дело коллективизации!».....	401
<i>Одинцов М.И.</i> Концепция «атеистического государства» в идеологии и практике компартии и советского государства (1929–1964).....	411
<i>Панто Д.</i> «Великий перелом» 1929 г. в антирелигиозном законодательстве СССР. Репрессии против католической церкви в Западной Сибири после 1929 г.....	447
<i>Сосковец Л.И.</i> Антирелигиозная политика как «зеркало» «Великого перелома»	465
<i>Степанов А.Ф.</i> Судьбы православных священнослужителей и мирян в годы нэпа и «Великого перелома»: от обновленческого раскола до общей участи в ходе сталинских репрессий (на примере Казанской епархии)	475
<i>Гераськин Ю.В.</i> Год «Великого перелома» в деревне центра России. . .	489
<i>Резмер В.</i> Борьба против католической церкви в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Второго отдела Генерального штаба Польской армии)	497

ПЕРЕЛОМ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

<i>Бочаров В.В.</i> Историческая антропология сталинизма: репрессии и пытки (культурно-психологический аспект)	506
<i>Ватлин А.Ю.</i> «Великий перелом» на коминтерновском фронте	517
<i>Ильмяев М.</i> Страны Балтии в оборонной и внешней политике Советского Союза в период «Великого перелома» до Мюнхенского договора (1929–1938)	526
<i>Хедделер В.</i> Пресса КПГ(о) о годе «Великого перелома» в СССР	598
<i>Пентер Т., Татаренко Д.</i> Голод 1932–1933 гг. в пропагандистском и социокультурном дискурсе в Украине периода нацистской оккупации	607

ПЕРЕЛОМ И ПАМЯТЬ

- Меньковский В.И.* (Само)репрезентация Советского Союза 1930-х гг. в историографии и исторической политике 620
- Чепайтене Р.* Музей *Homo sovieticus* в Вильнюсе: способы и проблемы репрезентации советского периода 629

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СТАЛИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- Стефаненко А.Ю.* Политические настроения и дискуссия в Ленинграде в 1925–1926 гг. 644
- Кириллов В.М.* Борьба за новую генеральную линию партии в годы «Великого перелома» (1928–1934) 654
- Солдатенко В.Ф.* «С помощью этих планов мы сделаем невозможное возможным»: деятельность Георгия Пятакова в 1929–1936 гг. 665
- Круглов В.Н.* Организация территории страны как механизм «Великого перелома»: районирование, его причины и последствия. 676

ИДЕОЛОГИЯ ПЕРЕЛОМА

- Басалаева И.П.* Техники работы со страхом в советском кинематографе 1930-х гг. 686
- Фельдман М.А.* Дискуссии на пленумах ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: борьба и взаимодействие социалистической утопии и индустриального проекта. 695
- Булдаков В.П.* Прелюдия «Великого перелома»: письма во власть как провоцирование радикальных решений 725
- Акимченков В.В.* Механизмы идеологической мобилизации советской интеллигенции в год «Великого перелома»: к истории крымского отделения ВАРНИТСО 734
- Синельникова Е.Ф.* «Их необходимо поставить на службу социалистическому строительству»: научные общества и год «Великого перелома» 748

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕЛОМА

- Алмаев Р.З.* Некоторые штрихи к социокультурному портрету провинциального учителя Южного Урала эпохи «Великого перелома» 762
- Иванов А.С.* Спецпоселенцы в городах сталинской эпохи (1930–1950) 775
- Исаев В.И.* Влияние «Великого перелома» на материальное положение и быт рабочих Сибири в годы первых пятилеток 788
- Хорошева А.В.* «Великий перелом» в физкультуре: от самостоятельности к мобилизации народных масс 798
- Чернышов А.А.* Размещение спецпереселенцев в Чердынском районе в 1930–1934 гг. 809

*С.А. Красильников
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН,
профессор Новосибирского государственного университета,
г. Новосибирск*

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ И ПОЛИТИКА МОБИЛИЗУЮЩЕЙ РАННЕСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО ДИКТАТУРЫ

Рубеж конца 1920-х – начала 1930-х гг., вошедший в историю нашей страны и государственности в сталинской интерпретации как год «Великого перелома», а позднее закреплённый в тексте «Краткого курса» формулировкой «революции сверху» «при прямой поддержке снизу»¹ ещё не получил своего устоявшегося и общепризнанного исследователями адекватного научного освещения. Историки едины в оценках масштабности (всеохватность), динамизма (скорость), разновекторности изменений в раннесоветском обществе, произошедших в хронологических рамках 1930–1933 гг. На входе в 1930-й год и на выходе из 1933-го года зафиксированы колоссальные сдвиги во всех сферах жизнедеятельности (политика, идеология, экономика, культура): страна стала иной. Этой констатацией общность оценок историками данного периода завершается. В одних интерпретациях события сопровождаются логикой «иного не дано», в других подчёркивается катастрофичность, цена «перелома» с позиций потерь и трат человеческого потенциала (социально-демографического, интеллектуально-культурного), по ряду измерений сравнимого с ценой Гражданской войны и её последствий в формально невоенное время (скачок форм, структуры и масштабов государственных репрессий и их переход на уровень террора; крестьянские депортации и неконтролируемые миграции, массовое беженство из деревни в города и на стройки; катастрофические размеры смертности от голода и болез-

---

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1953. С. 291–292.

ней; подрыв потенциала производства сельскохозяйственного сектора экономики и др.).

Данные процессы и события «революции сверху» в целом достаточно хорошо изучены, документированы и оценены отечественными и зарубежными историками в публикациях постсоветского времени². В настоящее время неоспоримость произошедших радикальных трансформаций вызывает в профессиональной научной среде потребность в более углубленном и многоаспектном изучении причин, условий и факторов, запустивших механизмы и сделавших реальностью события «Великого перелома». Переживала ли страна (советская государственность и население) столь глубокий кризис, выходом из которого стала обозначенная в сталинской трактовке «революция сверху»; в каких плоскостях и с какой глубиной проявлялась социальная напряженность, находившая свое отражение в кризисной динамике; насколько адекватными, рациональными и обоснованными являлись решения институтов власти по преодолению кризисных ситуаций; насколько обстоятельной и взвешенной была информация о положении в экономике, о настроениях и поведении основных групп населения в условиях социальной нестабильности и напряженности и т. д.

Цель данной публикации заключается в апробировании применительно к рассмотрению феномена «Великого перелома» возможностей социологии, разрабатывающей в качестве одной из центральных проблематику социального действия через выявление и анализ его причин, факторов, механизмов, динамики и последствий. В данном случае для историков крайне актуальной может быть модель исследования социального действия с учетом его анализа на трех уровнях (макро-, мезо-, микроуровни), в котором верхний уровень (системный кризис, война, революция) рассмотрен как Большое социальное действие. Мезоуровень представлен действием социальных (государственных и общественных) институтов. Микроуровень представлен конкретными результатами и последствиями институциональных действий, куда входят и восприятие, и реакция групп / категорий социума на них.

Проблемная ситуация в указанной предметной области характеризуется разнообразием позиций и наличием двух доминирующих концептуальных положений, практически противоположных друг

---

² Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010; Верг Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010.

другу. Основная причина заключается в подходах, рассматривающих «Великий перелом» в различных системах координат. В первом случае события первой половины 1930-х гг. оцениваются с позиций осуществления мощного, форсированного «модернизационного рывка». Во втором случае те же события рассматриваются как эпоха социальной катастрофы, «чрезвычайщины». Можно констатировать, что тот и другой подходы отражают разнонаправленность двух основных векторов Большого социального действия, что порождает «встречные вопросы». Могут ли модернизационные процессы (как фактор прогресса) сопровождаться столь глубокими и очевидными деструктивными процессами катастрофического характера? Могут ли в эпоху социальной катастрофы (фактор регресса) происходить модернизационные процессы?

Исследователи «модернизационного рывка» считают, что тот был главной доминантой развития, а катастрофы имели своего рода контекстное значение для процессов модернизации, искажая, деформируя, затрудняя их. Исследователи «чрезвычайщины» считают социальные «разломы» доминирующими, а саму модернизацию одним из контекстных условий, инструментом формирования и утверждения тоталитарного режима. В итоге сложилась историографическая ситуация «тактического равновесия», где обе позиции имеют свое устойчивое предметное поле, которое не «захватывается», не «завоевывается» оппонентами. Это не исключает попыток ряда историков найти компромисс между ними, базирующийся на достаточно апрорном утверждении, что именно и только тоталитарный режим оказался способен выполнить миссию форсированной экономической модернизации страны, используя при ее осуществлении внеэкономические методы, не останавливаясь перед громадными социальными «издержками».

Нами предлагается следующая рабочая гипотеза. «Великий перелом» есть Большое социальное действие, природа, механизмы и результаты которого заключались в его итоге – формировании и утверждении в стране сталинского политического режима со следующими тремя базовыми атрибутивными признаками: Сталинизм = идеократия + охранительность + социальная мобилизация. Из сказанного следует, что ни один из них не имел под собой экономической природы и целеполагания, а состоял в подчинении экономической сферы политико-государственным целям и приоритетам.

В определенной мере предлагаемая модель сочетается с классическими и общепринятыми признаками тоталитаризма, вбирая ряд из них в себя (в частности, идеократия обеспечивает господство моноидеологии, формирование «культы вождя» и т. д.). Ниже кратко охарактеризуем каждый из названных атрибутов.

1. Идеократия – общественный строй, основанный на идеологии, которая приобретает всеобъемлющий, доктринальный характер. Ее чертами выступают: институциональность, доминирование официально провозглашенной системы воззрений; догматизм; обезличивание индивидов; пресечение инакомыслия.

2. Охранительность – политика и практика удерживания захваченной / завоеванной власти новой элитой, не обладавшей в период своего утверждения необходимой и достаточно устойчивой опорой и поддержкой в социуме. Черты: институциональность (встроенность охранительных служб в политико-государственную систему); всеохватность (разнообразие форм и масштабов многоуровневого контроля над группами социума); непрерывность, интенсивность репрессивных кампаний / акций / операций; ресурсозатратность (расширение потенциала спецслужб – сеть, кадры, осведомление и т. д.).

3. Социальная мобилизация – целенаправленное воздействие институтов власти на массы для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством. Черты типологически те же, что и у охранительности, но с их приложением к самому широкому спектру «хозяйственно-политических кампаний» от хлебозаготовок и «социалистического соревнования» до репрессивных (показательные судебные процессы).

Отмеченная триада атрибутивных признаков сталинизма обладала чертами взаимосвязи и взаимодополнения. Ни один из них функционально не мог существовать и воспроизводиться без двух других. Так, институциональный Агитпроп сопровождал и обеспечивал все организуемые кампании социальных мобилизаций. В свою очередь, функционирование идеократии требовало осуществления специальных идеологических кампаний, а следовательно, и технологий социальной мобилизации, а партийные «чистки» и подавление инакомыслия подкреплялись репрессивными технологиями. Охранительность также в своем функционировании нуждалась в идеолого-доктринальном обосновании («обострение классовой борьбы», «борьба с вредительством») и вовлечении и соучастии групп населения в репрессивных кампаниях. Природа тоталитаризма находила свое воплощение в свойствах избыточности действия каждого из своих атрибутов: сталинизм, начиная с фазы своего утверждения, являлся избыточно идеократичным, избыточно репрессивным и избыточно мобилизационным режимом.

Согласно социологическим моделям, ведущим начало от М. Вебера, социальное действие (СД) обладает следующими необходимыми признаками: субъектность (есть действующее лицо / группа); осознанность, рациональность (есть мотивация, выбор цели, методов ее

достижения); связанность с действиями других субъектов (взаимодействие / координация / конкуренция / борьба); результат / итог социального действия (помимо ожидаемых сюда включаются и непредсказуемые). Поскольку в социальных действиях, особенно значительных («Больших»), рациональные действия чаще всего трансформируются под воздействием разнообразных факторов, то в социальных науках значительное место уделяется анализу причин данных «искажений». Особый интерес в рамках заявленной темы представляет вышедшая в 1936 г. работа известного американского социолога, одного из классиков методологии структурного функционализма Роберта Кинга Мертон «Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия» (русский перевод 2009 г.)³.

Первоначально Р.К. Мертон определяет следующие исходные положения своего анализа: преднамеренное социальное действие (далее ПСД) как «рациональное» включает в себя мотивы + выбор цели + средства для достижения ожидаемого результата; непреднамеренные последствия (далее НП) определяются факторами, которые вызывают конкретные отклонения от «рациональных»; итоговые последствия включают в себя действия как «рациональные», так и непредсказуемые – есть результат взаимного влияния ПСД и объективной ситуации, в которой это социальное действие осуществляется⁴.

Центральная задача (по Мертону) состоит в выделении и анализе ряда факторов, вызывающих НП. Первый фактор – «знание / незнание»: неполнота знания делает возможным появление непредвиденных результатов. Второй фактор – ошибки, возникавшие на любой стадии ПСД (оценка ситуации / выбор направления и методов / средств). Частая ошибка, приводящая к НП: применение / повторение действий, бывших в прошлом успешными. Третий фактор – «императивность ближайшего интереса» («здесь и сейчас»): нацеленность на достижение непосредственных результатов, при которой отсекается учет других факторов и последствий. Четвертый фактор – ПСД часто выходит за пределы той области / сферы, для которой оно предназначалось и распространяется на другие сферы, создавая условия для НП⁵.

Рассмотрим возможность применения аналитического подхода Мертона при изучении ключевого события «Великого перелома», каким выступала радикальная ломка аграрного производства и судеб крестьянства, определявшаяся сталинским руководством как «коллективизация и раскулачивание». Оба термина являются политиче-

---

³ См.: Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

⁴ Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия... С. 7–8.

⁵ Там же. С. 10–15.

скими эвфемизмами, порожденными сталинской эпохой, то есть формами, за которыми скрывалась иная реальность – принудительное и преимущественно внеэкономическими способами осуществлявшееся огосударствление / этатизация аграрного сектора экономики, сопровождавшееся столь же масштабным, разновариантным и экстремальным раскрестьяниванием. Однако, несмотря на отсутствие научного содержания, они продолжают часто употребляться, как вместе, так и в отдельности, даже в практике современных исторических исследований.

Государственная аграрная политика конца 1929-го – начала 1930-х гг., стратегическое наполнение которой облекалось в программу «социалистических преобразований сельского хозяйства», предусматривала переход от индивидуального хозяйства к крупному коллективному земледелию и животноводству; установление новых производственных и социальных отношений в деревне; высвобождение рабочей силы для нужд промышленности за счет прогресса сельскохозяйственного производства; устранение эксплуатации путем «ликвидации кулачества как класса».

Фактически реализация данной политики как преднамеренного социального действия привела к существенно иным результатам, которые следует трактовать в социологической терминологии как непреднамеренные последствия действий власти в деревне. Среди них отметим последствия демографического характера – массовые принудительные (депортации) и стихийные (беженство) миграции в масштабах, очевидно первоначально не предусмотренных властью. Социальные последствия – переход социальной напряженности в деревне в протесты и сопротивление проводившейся политике в масштабах, не предусмотренных властью. Экономические последствия – объективные и субъективные (социально-поведенческие), давшие в совокупности значительные и не ожидавшиеся властью результаты (утрата / уничтожение значительной части потенциала животноводства), неустойчивость и кризисы создаваемой колхозной системы (организационные «приливы и отливы», ресурсный, кадровый и другие кризисы). Социально-культурные последствия – экстремальные процессы вызвали эскалацию процессов раскрестьянивания, разрушения крестьянства как социокультурной общности.

Под раскрестьяниванием, согласно общепринятому научному пониманию, подразумеваются глобальные трансформации в среде крестьянства при переходе от традиционного типа общества к современному состоянию. Трансформация приобретает различные траектории в зависимости от времени и места, условий страны в которой она происходит и представлена вариантами фермеризации, пауперизации, «окрестьянивания» и перехода в другие социальные общно-

сти / страты. При рассмотрении раскрестьянивания и как Большого социального действия (процесса), и как политики сталинского режима, устанавливается, что период «Великого перелома» явил феномен т. н. социалистического раскрестьянивания на основе огосударствления аграрного сектора экономики с вариантами: а) превращение основной группы крестьянства в государственно зависимых сельскохозяйственных производителей (колхозников); б) переход другой части в страту рабочих («орбочивание») и в) маргинализация / репрессирование третьей части (аресты / высылки).

Представим данные векторы в несколько редуцированном виде. Форсированное огосударствление или создание институциональной, получившей наименование «колхозной», системы имело своей реальной точкой отсчета начало 1930 г. (постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству») и условно завершилось принятием Примерного устава сельскохозяйственной артели от 17 февраля 1935 г. На входе доколхозная деревня насчитывала 25 млн крестьянских хозяйств, на выходе (данные 1937 г.) в стране насчитывалось 243,5 тыс. колхозов (в них 18,5 млн хозяйств).

«Орбочивание» как процесс и как политика, стимулировавшая переход значительной части крестьян в страту рабочих, протекало также в экстремальных условиях. Предлагаемая властью добровольность (привлечение деревенской рабочей силы через отходничество, оргнабор / вербовку посредством мобилизационных кампаний) сопровождалась стихийным притоком из деревни в города, или «самотеком», носившим в значительной мере вынужденный характер (беженство). Точных цифр, характеризующих динамику данного процесса в начале 1930-х гг., нет, но базовый вектор в сфере труда заключался в неустойчивости производственных коллективов, в текучести кадров, когда приток на крупные стройки и предприятия в течение полугода/года сопровождался оттоком работников в сопоставимых масштабах.

Маргинализация как процесс и как репрессивно-дискриминационная политика в отношении крестьянства, важнейшим результатом которой стало создание системы спецпоселений с превращением ссыльного крестьянства (с семьями) в универсальную «рабсилу», используемую практически во всех базовых секторах экономики, достаточно исследована в литературе⁶.

Начало этому процессу положило секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по лик-

---

⁶ См. новейший историографический обзор: Игнатова Н.М. Историография принудительных миграций // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 159–168.

видации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Условным его завершением можно считать также секретное постановление ЦК и СНК СССР от 17 января 1936 г. о мерах по развитию сельского хозяйства северных районов Западной Сибири. Значительная часть последнего посвящалась подведению итогов процесса создания системы спец(труд)поселений в данном регионе, после чего на уровне институтов власти делались лишь попытки ее стабилизации и возможного реформирования⁷.

Первая волна депортации (февраль–май 1930 г.) дала 550 тыс. чел. (около 100 тыс. семей), размещенных в спецпоселках. На начало 1932 г. (с учетом второй волны депортации весны–лета 1931 г.) в спецпоселки в общей сложности было депортировано примерно 1 млн 800 тыс. чел. (около 380 тыс. семей). На начало 1936 г. в спец(труд)поселках размещался 1 млн чел. (около 250 тыс. семей). Динамика и масштабы указанных двух основных волн крестьянской ссылки также достаточно описаны в исследовательской литературе.

Менее изучена провальная, реализованная лишь частично в предложенном руководством ОГПУ формате тотальной депортации, «зачистка» населения страны весной–летом 1933 г. Данный случай рельефно отражает очевидный разрыв между целью и результатом Большого охранительно-репрессивного действия, что позволяет проанализировать его с применением методики Р.К. Мертон (основные факторы, вызывающие непреднамеренные последствия – уровень знаний, воспроизведение ранее успешных действий, «императивность ближайшего интереса», выход действия за пределы своей первоначальной сферы).

Это был самый амбициозный карательный проект ОГПУ первой половины 1930-х гг., предусматривавший распространение опыта проведения крестьянских депортаций на другие, некрестьянские категории населения – «деклассированные», уголовные и другие (собирательно-маргинальные) элементы. Согласно плану, предусматривалось отправить на спецпоселение пять «контингентов»: выселяемые «кулаки» и другие группы крестьянства за «саботаж государственных кампаний» в сельском хозяйстве; городские «деклассированные элементы»; бежавшие из деревень «кулаки», работавшие в сфере промышленности; выселяемые в порядке «очистки государственных границ»; заключенные на сроки до 5-ти лет (кроме рецидивистов) для «разгрузки тюрем»⁸.

---

⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг.: Сб. документов. Новосибирск: ЭКОР, 1994. С. 34–38.

⁸ См. об этом документальные издания: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005 (Серия «Архивы Кремля»).

13 февраля 1933 г. зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и начальник ГУЛАГа М.Д. Берман представили И.В. Сталину и В.М. Молотову докладную записку с обоснованием тотальной «зачистки» населения страны в течение 1933 и 1934 гг. от «ненадежного», «анти-советского элемента», предусматривавшей создание новой сети «трудовых поселений», наряду с уже существовавшими крестьянскими⁹. В записке, помимо перечисления названных выше намеченных для депортации категорий, определялись масштабы репрессий и регионы расселения – 2 млн чел., из которых по 1 млн следовало направить в Западную Сибирь и Северный Казахстан. Устанавливались сжатые сроки проведения самой операции в 1933 г. – три месяца (середина апреля – середина июля). Далее шли технические расчеты, касавшиеся ресурсов, требуемых для осуществления планируемой карательной кампании. Общая стоимость расходов определялась суммой в 1 млрд 394 млн руб.

Реакция высших руководителей на предложение чекистов оказалась весьма неоднозначной. У Сталина она не вызвала возражений, однако резолюция Молотова была достаточно резкой: «Расходы (1.394 м. р.) грубо преувеличены. Надо привлечь к расходам и самих переселяемых»¹⁰. Реакция Молотова понятна: Ягода претендовал на 4 % расходной части бюджета страны. Запросы ОГПУ на операцию были сравнимы с планируемыми вложениями во всю лесную отрасль страны в 1933 г. Кроме того, средства на репрессивные операции с последующим созданием новых лагерей и спецпоселений выделялись из специального фонда – резерва СНК, который на тот же год был запланирован в сумме 1 млрд руб.

В последующие несколько месяцев (апрель–август 1933 г.) происходило «усечение» плана Ягоды – Бермана: масштабы высылки директивными органами резко сокращаются вначале с 2 млн до 1 млн, затем – до 600 тыс. чел., т. е. практически втрое. Решением Политбюро от 17 апреля 1933 г., оформленным в «советском порядке» постановлением СНК СССР от 20 апреля, финансирование этой операции определялось уже в 250 млн руб. Постановлением СНК от 21 августа 1933 г. к уже прибывшим в места расселения (124 тыс. чел.) санкционировано размещение еще примерно 370 тыс. чел., т. е. всего разрешалась депортация примерно 500 тыс. чел. Финансирование операции за счет госрезерва было урезано до 150 млн руб.¹¹

В результате в течение 1933 г. были высланы в спецпоселения «лишь» 268 тыс. чел. «нового» контингента, в т. ч. 132 тыс. «деklas-

---

⁹ Политбюро и крестьянство... С. 578–587.

¹⁰ Там же. С. 587.

¹¹ Там же. С. 598–605, 630–634.

сированных и уголовных элементов» были размещены в Западной Сибири. Примерно четверть из них к концу 1933 г. попала в учетную графу «убыли»: умерли, бежали и переданы обратно в места заключения (тюрьмы, лагеря). В приказе по ОГПУ от 16 апреля 1934 г. прямо признавался неудавшимся путь освоения северных регионов контингентом «деклассированных» и уголовных элементов¹².

При рассмотрении данных событий нетрудно установить проявление в них выделенных Р.К. Мертоном факторов риска управленческих решений, давших в своей совокупности кумулятивный результат – фактический провал чекистской программы тотальной «зачистки» страны в 1933 г. от «нежелательных элементов» одним депортационным ударом («императивность ближайшего интереса»). Сам план, будучи реакцией чекистского руководства на экстремальную кризисную ситуацию 1932–1933 гг. (голод, неконтролируемый рост стихийных миграций в города и т. д.), не учитывал громадного числа факторов, вызвавших данный кризис, и подталкивал директивные органы к простейшим решениям. Среди них – казавшееся рациональным решение перенести опыт крестьянских депортаций на все другие маргинальные слои и группы населения. Сама операция не только не принесла ожидаемого эффекта, но вызвала дестабилизацию ситуации как в территориях «зачистки», так и в регионах вселения «нового контингента» (высокий рост смертности, побегов, преступности затронули не только спец(труд)поселки, но и местное население). Нетрудно также установить логическую связь между депортационным провалом 1933 г. и операциями периода Большого террора, где власть сменила лишь методы (расстрелы и заключение вместо высылки) и расширила круг объектов для террора, но не избавилась от эффектов непреднамеренных последствий.

Сказанное выше может служить подтверждением общего вывода о том, что сталинизм являлся режимом традиционалистского типа (власть ради власти), надстроенным над слабо модернизированным традиционалистским же социумом, потенциал которого эксплуатировался партийным государством преимущественно охранительно-мобилизационными приемами и технологиями с громадными (избыточными) человеческими потерями.

---

¹² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. С. 56.

Д.Л. Бранденбергер
профессор Университета Ричмонда,
г. Ричмонд, США

КАК СТАЛИН ПЕРЕПИСАЛ «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» 1929 г.

Современные исследователи, занимающиеся изучением идеологии эпохи сталинизма, мало обращают внимания на роль И.В. Сталина в формировании официальной исторической линии о партийной и советской истории, в том числе о «Великом переломе» 1929 г. Настоящая статья показывает, как Сталин трактовал и описывал события тех роковых лет. В рамках статьи раскрыты вопросы о том, что Сталин думал о преобразовании народного хозяйства; как объяснил переход от так называемой новой экономической политики В.И. Ленина к плановой экономической системе; как описывал участие рабочих, крестьян и партийного аппарата в буре этих событий. В статье также освещено то, как Сталин оценивал действия своих соперников: бывших партийных оппозиционеров, наследников капиталистического строя (быв. нэпманов и так называемых кулаков) и сил мирового империализма за рубежом. Наконец, неожиданный ответ получает и вопрос о том, какой Сталин видел свою роль в этих событиях.

Статья основана на рукописях Сталина, созданных накануне XX годовщины революции и во время «ежовщины». Источники – сталинская редакция учебника истории СССР А.В. Шестакова (1937) и сталинская редакция «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938) – архивные документы, ранее не анализировавшиеся учеными с этой точки зрения. Из этих источников видно, что взгляды Сталина существенно менялись со временем, так как он пересматривал почти все аспекты «Великого перелома», начиная от роли идеологии, партии и революционных масс и заканчивая общей оценкой событий.

Статья показывает, что именно Сталина необходимо рассматривать в качестве одного из главных создателей официальной историографии «Великого перелома», господствовавшей в советской исторической науке, по крайней мере, до конца 1950-х гг.

«История СССР: Краткий курс». 1937 г.

История описания «Великого перелома» началась еще до окончания Первой пятилетки. Сталин активно участвовал в рекламировании преобразования народного хозяйства и в городском, и в сельском контекстах, связывая данный процесс со своим известным тезисом о необходимости строительства социализма в одной, отдельно взятой стране¹. Несмотря на это, роковой опыт «ежовщины» – особенно весной 1937 г. – не смог повлиять на официальную линию. Поэтому данная статья датирует начало формирования окончательной сталинской концепции истории «Великого перелома» выходом осенью 1937 г. нового учебника А.В. Шестакова «Краткий курс истории СССР»².

Шестаков и его авторская бригада работали над учебником более года – с весны 1936 г. по лето 1937 г.³ В готовом варианте макета Шестаков начал свою пятнадцатую главу – «Социализм в СССР построен» – с изложения обстоятельств развития советского общества и народного хозяйства в 1920-х гг. Согласно тексту, Сталин смог приступить к планированию строительства социалистической экономики уже в 1925 г., в контексте нэпа. По мнению Сталина, в изложении Шестакова, индустриализация была необходима для модернизации экономики и обеспечения производства машин и оборудования, необходимых для модернизации сельского хозяйства. Вдохновленные планами Сталина, советское общество начало трансформировать экономику с той же интенсивностью, с которой оно только что вело Гражданскую войну.

Однако против планов Сталина выступили враги партии. По мнению Шестакова, предатели из числа бывшей левой оппозиции – Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и их последователи – пытались подорвать экономические преобразования. Эти оппозиционеры вскоре объединились с буржуазными врагами СССР за рубежом. Вместе они пытались саботировать экономику, занимаясь вредительством и терроризмом по всей стране.

По мнению Шестакова, именно в контексте этого открытого конфликта с оппозицией, партия под руководством Сталина решила перейти к централизованному, единому подходу в индустриализации, ориентированному на планирование из единого центра и на

---

¹ См., например: Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б): Доклад тов. Сталина 27 июня 1930 г. // Правда. 29.06.1930. С. 1–5.

² Краткий курс истории СССР / под ред. А.В. Шестакова. М., 1937.

³ Дубровский А.М. Власть и историческая наука в СССР (1930–1950 гг.). М., 2017. С. 224–250.

государственный контроль над экономикой. Этот массовый, единый и скоординированный подход к экономическому развитию не только дал бы результаты в кратчайшие сроки, но и позволил бы большинству советского народа в полной мере принять участие в героическом и драматическом сталинском «Великом переломе».

Обратившись затем к теме сельского хозяйства, Шестаков отметил, что сельская экономика, основанная на индивидуальной земельной собственности, устарела и не могла воспользоваться современными научными знаниями и технологиями. По этой причине партия стала агитировать крестьянство за коллективизацию отсталых мелких хозяйств в механизированные сельскохозяйственные кооперативы. Согласно тексту, государство смогло убедить бедное и среднее крестьянство в преимуществах этого нового подхода к сельскому хозяйству на словах и на деле, и крестьяне стали охотно вступать в колхозы. Кулаки же поняли, что им нет места при новом способе сельскохозяйственного производства, и начали бороться с коллективизацией, используя вредительство и терроризм. Они нашли помощь и поддержку у бывшей правой оппозиции – Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и их сторонников, которые также возражали против пятилетки.

Как и в случае с левой оппозицией, партия под руководством Сталина смогла решительно разгромить правых и их кулацких союзников. Это позволило партии завершить намеченное Сталиным преобразование советского сельского хозяйства. Благодаря этому, первая пятилетка Сталина была завершена досрочно. По словам Шестакова, СССР стремительно вошел в социализм в 1932 г.

В конце июня 1937 г. Шестаков и его кураторы решили, что рукопись учебника можно представить партийным инстанциям перед выходом тома в свет к новому учебному году. Когда в июле Сталин взялся за редактирование главы о развитии СССР в 1920-е гг., у него вызвало возражение то, как Шестаков характеризовал большую часть планирования и борьбы за «Великий перелом»⁴. Наиболее заметными стали сталинские изменения общепринятой практики делать акцент на его личных заслугах в реализации первой пятилетки. Вместо этого, указывалось, что партийное руководство в целом разработало планы индустриализации в 1920-х гг., и именно партийное руководство решило свернуть нэп, централизовать экономическое планирование и т. д. Хотя Сталин часто вносил такого рода редакторские

---

⁴ Сталинские редакторские правки см. в: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1584; Оп. 3. Д. 374.

изменения в другие части текста Шестакова – как для пресечения культа своей личности, так и для укрепления авторитета партийного аппарата – вполне возможно, что в этом конкретном случае Сталин не хотел нести единоличную ответственность за наивную самоуверенность, эксцессы и ошибки, которые характеризовали этот травматический период социально-экономических экспериментов.

Когда Сталин обратился к теме левой и правой оппозиции, он попытался дать объяснение характеру их сопротивления партийному руководству и его планам по преобразованию экономики. Вместо того, чтобы просто назвать бывших левых «предателями», как это сделал Шестаков, Сталин уточнил, что Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. сомневались в том, что социализм можно построить в отдельно взятой стране и объединились с близкими им по духу бывшими меньшевиками, эсерами и врагами СССР за рубежом в широкий союз, чтобы восстановить капиталистическую экономику в СССР⁵.

Возражая этому, Сталин неоднократно подчеркивал, что результаты «Великого перелома» показали, что советские рабочие способны осуществить индустриализацию без участия капиталистических элементов; точно так же советские крестьяне способны модернизировать сельское хозяйство без кулаков, Бухарина и Рыкова. Важно отметить, что в то самое время, когда Сталин подчеркивал достижения советских рабочих и крестьян под руководством партии во время «Великого перелома», он резко умерил пыл Шестакова по поводу полной победы в 1932 г. Исключив из учебника утверждение о том, что страна «вступила в социализм» в конце первой пятилетки, Сталин вместо этого отметил, что достижения этого времени следует рассматривать лишь как обеспечение будущей победы социализма.

«История ВКП(б): Краткий курс». 1938 г.

Официальное одобрение учебника Шестакова осенью 1937 г. закрепило подход к истории «Великого перелома», который пригодился уже в следующем году, когда руководству большевиков потребовался новый учебник по истории партии. Его первоначальный вариант был написан Е.М. Ярославским и П.Н. Поспеловым⁶.

---

⁵ Поскольку текст учебника Шестакова был написан весной 1937 г., он был издан слишком рано для того, чтобы в него были включены более поздние разоблачения всеобъемлющего заговора, в котором правые и левые оппозиционеры совместно с «буржуазными националистами» из нерусских республик действовали под эгидой иностранных империалистов (эти разоблачения появились только в конце 1937–1938 г.).

⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 75–77; Ф. 17. Оп. 120. Д. 383.

Ярославский и Пospelов подготовили десятую и одиннадцатую главу о «Великом переломе» в будущем макете «Краткого курса», фактически используя работу Шестакова, так как они знали, что Сталин лично просматривал и визировал этот учебник. По мнению Ярославского и Пospelова, после стабилизации нэпа главным приоритетом партии стала индустриализация, так как она имела решающее значение для обороны СССР. Ярославский и Пospelов иллюстрировали это цитатой из знаменитого предупреждения Сталина 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

По мнению Ярославского и Пospelова, успех раннего этапа советской индустриализации сильно обеспокоил капиталистов за рубежом. В мае 1927 г. Великобритания разорвала дипломатические и торговые отношения с СССР, а другие капиталистические силы атаковали советских дипломатов от Берлина и Варшавы до Пекина, Шанхая и Тяньцзиня. Британия угрожала СССР войной и посылала диверсантов для разрушения новой социалистической экономики, пользуясь при этом содействием Троцкого, который был агентом британской разведки с середины 1920-х гг.

По словам Ярославского и Пospelова, партия отреагировала на военную угрозу удвоением усилий по преобразованию советской экономики. Это подразумевало развитие государственного сектора в городах для того, чтобы вытеснить капиталистические «нэпманские» пережитки, одновременно с нейтрализацией кулацкого влияния в сельской местности. По мнению Ярославского и Пospelова, городская буржуазия сопротивлялась, стремясь совместно с троцкистами и их иностранными союзниками подорвать планы строительства социализма «в отдельно взятой стране».

Ярославский и Пospelов удивительно подробно остановились на троцкистской оппозиции, обрисовав ее состав, стратегию и тактику. По мнению Ярославского и Пospelова, троцкисты и их зиновьевские союзники сомневались в возможности построения социализма в СССР. Эти сомнения привели их к заговору с противниками за рубежом с целью подрыва советской власти и возвращения СССР к капиталистической системе. Это предательство иллюстрировало трансформацию троцкистов из оппозиционного политического движения в банду двуличных вражеских агентов, которая произошла именно в годы «Великого перелома».

Несмотря на противодействие оппозиции, партия под руководством Сталина успешно запустила первую пятилетку в 1928 г. Создание новых промышленных объектов сопровождалось возникновением новых форм трудового героизма, появившихся благодаря

«социалистическому соревнованию». Рядовые партийцы и рабочие играли в этом процессе динамичную роль, участвуя не только в производстве и выполнении планов, но и в защите экономики от саботажа со стороны классовых врагов. По словам Ярославского и Поспелова, против сталинской пятилетки возражал новый оппозиционный «право-левый» блок, призывая к более медленным темпам, рекомендованным Бухариным. Такие якобы «разумные» возражения в итоге оказались двуличными, поскольку эта группа фактически стремилась ослабить СССР в интересах германского и японского фашизма. Впоследствии этот блок оказался лишь одним из нескольких левых заговоров, направленных на подрыв СССР с целью возвращения страны в мировую капиталистическую систему.

Затем Ярославский и Поспелов изложили в общих чертах программу деятельности партии по модернизации сельского хозяйства и обеспечению стабильных поставок зерна по фиксированным ценам путем коллективизации. Как и следовало ожидать, эти усилия встретили ожесточенное кулацкое сопротивление, поскольку Сталин предупреждал, что классовый антагонизм будет расти по мере приближения социализма. По словам Ярославского и Поспелова, Бухарин и правые фактически помогали кулакам, подвергая сомнению ускоренные планы партии по индустриализации и коллективизации. Эти сомнения оказались маскировкой для более подлых целей, поскольку бухаринцы объединились с троцкистами и зиновьевцами, чтобы победить советскую власть и восстановить капитализм. Когда этот заговор был разоблачен в 1929 г., бухаринцы публично раскаялись, но при этом тайно продолжили свою двойную игру. В конечном счете они вступили в заговор против партии не только с троцкистами, но и с буржуазными националистами в республиках и фашистами за рубежом.

Когда летом 1938 г. Сталин приступил к редактированию десятой и одиннадцатой глав будущего «Краткого курса», он внес существенные изменения в повествование Ярославского и Поспелова о «Великом переломе», несмотря на то, что при рассмотрении этого периода они тщательно следовали линии, официально утвержденной еще Шестаковым⁷. В широком плане он переформулировал контекст экономических преобразований для того, чтобы подчеркнуть, что они начались не в результате деятельности оппозиции, а были

---

⁷ Сталинские редакторские правки см. в: ВГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77; Оп. 11. Д. 1209–1216. Датировка сталинских поправок основана на том, что он часто не принимал посетителей в своем кремлевском кабинете летом 1938 г. См.: На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 236–238.

закономерным результатом хорошо продуманной Ленинской программы партии. Этот подход потребовал уделить больше внимания планированию и меньше оппозиции. Троцкий, как теперь утверждал Сталин, на самом деле не был агентом британской разведки, даже если его взгляды и совпадали с взглядами иностранной буржуазии. Более того, троцкисты были менее опасными, чем первоначально изображалось, поскольку они были связаны только с зиновьевцами и побежденной внутренней буржуазией и еще не действовали сообща с бухаринскими правыми. Что еще более важно, Сталин удалил из текста большую часть обсуждения троцкистской платформы и их подрывной деятельности. Эти редакторские правки уменьшили историческое значение троцкистов, представив их не как реальных соперников, а как лживых вредителей.

Когда повествование перешло к описанию коллективизации, Сталин в целом согласился с рассказом Ярославского и Пospelова об успехах колхозного движения. В этой части Сталин вырезал значительную часть рассказа о левой и правой оппозиции – особенно о возражениях бухаринцев против коллективизации. Он также выразил сомнение в способности бухаринцев мобилизовать кулацких повстанцев против советской власти или создать всеобъемлющий союз с троцкистами, буржуазными националистами и иностранными разведками. Такое редактирование имело эффект «затыкания рта» оппозиционерам и превращало их программные, стратегические возражения в нечленораздельное предательство.

В рассказе о первой пятилетке Сталин переформулировал повествование так, чтобы сократить упоминания почти о всех низовых инициативах – и о положительной деятельности партийных активистов, и о негативных деяниях – эксцессах мелких чиновников и вредительстве скрытых бухаринцев и троцкистов на местах. Детализация сменилась новым акцентом на значимость центральной партийной организации. В связи с его новой линией в отношении центрального руководства и преобразования экономики, Сталин также приглушил роль внешней угрозы в стремлении партии к индустриализации и развитию сельского хозяйства. Если Ярославский и Пospelов связывали экономические преобразования с потребностями национальной обороны, то Сталин теперь связывал их с более дальними, более стратегическими целями, касающимися строительства социализма. При этом он считал советскую власть скорее проактивной, работающей на опережение, чем реактивной, реагирующей на конкретные вызовы, поскольку ее приоритеты, определялись диктатом ленинской теории.

Сталин согласился с оценкой Ярославского и Пospelова о том, что экономическая повестка дня страны в годы «Великого перелома»

требовала удвоения усилий. Рассматривая препятствия, возникшие в ходе реализации первой пятилетки, он отверг подход, при котором Ярославский и Пospelов возлагали вину за эти проблемы исключительно на «право-левый» блок и другие оппозиционные заговоры. Признавая, что во время индустриализации и коллективизации действительно происходили некоторые акты вредительства, он тем не менее утверждал, что большинство трудностей во время «Великого перелома» на самом деле проистекало из-за недооценки важности техники и технологий в ходе преобразований. Современные проблемы требовали современных решений, поэтому технологическая отсталость представляла наибольшую угрозу всему процессу социалистического строительства.

Заключение

В данной статье утверждается, что в период 1937–1938 гг. Сталин существенно изменил официальную трактовку «Великого перелома» в советской историографии. Самым важным из этих изменений стала его новая позиция по поводу причин экономического преобразования СССР в конце 1920-х гг. Не стоит забывать, что до середины 1937 г., Сталин и ведущие партийные историки обращали особое внимание на решающую роль, которую левая и затем правая оппозиции якобы сыграли в процессе принятия решений, спровоцировав партийное руководство на принятие ускоренных планов преобразования экономики. Летом 1938 г., генеральный секретарь изменил официальную оценку и резко уменьшил роль и значение сил оппозиции в принятии решения о переходе от нэпа к плановой экономике, шоковой индустриализации и коллективизации, поскольку сам Сталин, видимо, уже потерял интерес к идее всесильного и всепроникающего заговора, столь характерный для периода «ежовщины». Теперь подход партийного руководства стал более научным, последовательным и дальновидным – фактически более ленинским и менее спонтанным и реактивным в отношении к левой и правой оппозиции. Силы антибольшевистской оппозиции, соответственно, изображались теперь менее скоординированными, менее эффективными и в конечном счете менее опасными, чем ранее.

Среди изменений в сталинской редакции «Великого перелома» между 1937-м и 1938-м гг. не менее интересен и отход Сталина от традиционной партийной пропаганды по вопросу собственного культа личности. Любопытно, что Сталин перенаправил внимание, которое ранее уделялось его персоне на Ленина и, прежде всего, на руководство партии в целом. Действительно, внимание Сталина в 1938 г. было настолько сконцентрировано на партии в целом и на ее руко-

водстве, что это заставило его удалить большое количество материалов о местных партийных организациях и политической активности масс.

В конечном счете, сталинская трактовка событий «Великого перелома» получилась более институциональной, рациональной и предсказуемой, чем предыдущая. В этом смысле Сталин очистил базовый миф о «Великом переломе» от массового героизма и массовых заговоров, придававших ему динамичный, напряженный, мобилизующий характер в советской пропаганде тех лет. Такая трактовка событий долго сохранялась в советской историографии, маскируя спонтанный, непродуманный и хаотичный характер «Великого перелома».